

Глава 5

— Вкусно? — спросил Ли Сюй, с отеческой нежностью глядя на Фэйфэйя. Незнающий человек мог бы подумать, что именно он — родной отец ребёнка.

— Вкусно! Дядя Ли, ты такой молодец! — Малыш восторженно захлопал в ладоши, а затем решительно поднёс миску ко рту и одним махом выпил почти половину куриного бульона.

Ли Сюй остудил суп до идеальной температуры. Фэйфэй, держа в одной руке большую куриную ножку, а другой поднося ко рту ложку с бульоном, ел с таким удовольствием, что казался самым счастливым ребёнком на свете.

Последние дни малыш жил как в раю. Ли Сюй, вызванный на подмогу, каждый день колдовал на кухне, придумывая для него новые лакомства, а Линь Сынянь почти не выходил из дома, всё время проводя с ним.

«Неужели так балуют всех болеющих детей? — думал Фэйфэй. — Надеюсь, я никогда не выздоровею».

К счастью, Линь Сынянь не умел читать мысли, иначе непременно отшлёпал бы этого маленького симулянта.

***

В просторном и светлом кабинете мужчина лет тридцати с небольшим увещевал Линь Сыняня, сидевшего напротив:

— Сынянь, с тобой случилось такое несчастье, а ты всё равно не хочешь вернуться домой. Ты уже взрослый человек, может, перестанешь заставлять всех волноваться?

Линь Сынянь пропускал его слова мимо ушей. Это была не забота, а проявление неуёмной жажды контроля его старшего брата, настоящего чокнутого маньяка-контролёра. И, похоже, брат получал от этого какое-то извращённое удовольствие, раз с таким упорством продолжал в том же духе.

Видя его рассеянное и отстранённое выражение лица, мол, говори, я слушаю, старший брат Линь Сыняня, Линь Цзинли, постучал согнутым пальцем по столу и нахмурился:

— Я с тобой разговариваю, ты не слышишь?

— Слышу, — ответил Линь Сынянь, идеально балансируя на грани, которая вызывала у Линь Цзинли раздражение, но ещё не гнев. — У меня сейчас важное дело, я занят. Через пару дней

вернусь в старый особняк.

Линь Сынянь совершенно не хотел здесь сидеть. Ему хотелось домой, к сыну. Когда они были вместе, он этого так остро не чувствовал, но стоило разлучиться на пару часов, как он уже начал скучать.

Однако он понимал: если сейчас не даст прямого ответа, этот чокнутый маньяк-контролёр и впрямь способен силой увезти его в семейное гнездо. Он и так уже испытывал терпение брата, когда отказался уходить из шоу-бизнеса, танцуя на краю пропасти.

К сожалению, этот ответ не удовлетворил Линь Цзинли. Он задал следующий вопрос:

— Это мы пока оставим. Может, тогда расскажешь, что за ребёнок вдруг появился у тебя дома? И почему Ли Сюй, целый глава департамента и топ-менеджер «Звёздных развлечений», сидит у тебя и нянчится с ним?

Тут уж Линь Сынянь не выдержал. Он схватил с дивана подушку и швырнул её в лицо брату.

— Линь Цзинли, ты ненормальный? Можешь хоть немного умерить свою манию всё контролировать? Тебе мало огромной корпорации «Линь», чтобы заполнить свою душевную пустоту, так ты ещё и на меня переключился?

Линь Цзинли уклонился от подушки, поправил очки в тонкой золотой оправе на переносице. Его невозмутимый вид в сочетании с красивым, как и у Линь Сыняня, лицом делал его похожим на элегантного злодея. Он неторопливо ответил:

— Это не контроль, а забота и защита. Как твой старший брат, я, думаю, имею право знать, чем ты занимаешься.

— Спасибо, не нуждаюсь, — холодно бросил Линь Сынянь.

— Уверен? Ты действительно не нуждаешься? — переспросил Линь Цзинли. — В прошлый раз ты говорил то же самое, и факты доказали, что это не так.

Оба прекрасно понимали, о чём говорит Линь Цзинли. В кабинете повисла гнетущая тишина.

— Сынянь, тебе нужен врач. Ты в очень плохом состоянии.

После того инцидента Линь Сынянь вёл себя подчёркнуто нормально. Ему удалось обмануть даже психолога, которого прислала компания для реабилитации.

Но Линь Цзинли, его родной брат, знавший его как облупленного, понимал: именно это отсутствие реакции и было самой большой проблемой.

Если бы после случившегося Линь Сынянь сорвался, начал крушить всё вокруг, пить, ругаться — это было бы лучше, чем его нынешнее ледяное спокойствие.

Линь Цзинли однажды видел ужасающую статистику. Эти данные не были достоянием общественности, но один лишь взгляд на них вызывал чувство глубокой безысходности.

Цифры кричали о страданиях и отчаянной жажде людей. Но в то же время в них проявлялась великая и подавленная воля к жизни.

Однако сейчас было неподходящее время, чтобы говорить об этом с Линь Сынянем.

— Сходи к врачу, Сынянь, — сказал Линь Цзинли, глядя брату прямо в глаза. — Ты знаешь, что тебе это нужно.

Линь Сынянь, не отводя взгляда, ответил:

— Врач научит меня радоваться? Если да, то пойду.

— Брат, я не такой, как ты. Ты получаешь удовольствие от своей мании контроля, и, честно говоря, я тебе завидую. Но я с пятнадцати лет не чувствовал того ощущения, будто во рту у меня кусочек сахара, даже во сне. Актёрство для меня — это просто работа.

Хотя Линь Сынянь и говорил так о мании контроля брата, которая во многом была результатом попустительства их родителей и всей семьи, он никогда не испытывал к нему настоящей злобы.

Были годы, когда он безумно завидовал. Завидовал до такой степени, что хотел избить Линь Цзинли, пока тот спит, что, собственно, и сделал однажды. А тот даже не дал сдачи.

На этот раз Линь Цзинли замолчал. В этом мире не было врача, который мог бы научить человека радоваться. Ни лекарства, ни гипноз, ни даже самый сильный электрошок не могли помочь. Эволюционные изменения были необратимы, и их дети, скорее всего, столкнутся с ещё более серьёзными проблемами.

Именно поэтому, до инцидента с фанаткой, Линь Цзинли не настаивал на визите к психологу. Это было бессмысленно. Депрессия от отсутствия радости, отсутствие радости от ангедонии, а ангедония неизлечима. Оставалось лишь полагаться на судьбу и удачу.

Возможно, раньше Линь Сынянь черпал радость во внимании публики. Возможно, он с упоением вживался в роли, проживая чужие жизни и находя в этом утешение. Но со временем

актёрство стало для него просто работой.

Работой, которая хотя бы не давала ему окончательно погрузиться в пустоту.

Если бы в мире существовал врач с такой способностью, его бы носили на руках. К нему бы стекались толпы людей, предлагая деньги, машины, виллы и несметные сокровища.

Он стал бы настоящим сокровищем мира.

Уходя, Линь Сынянь обернулся к Линь Цзинли и всё же сказал:

— Не волнуйся за меня. В последнее время мне намного лучше. Я сейчас занят воспитанием сына. Моему сыну всего три года, он такой маленький. Как я могу оставить его сиротой? Кстати, не забудь приготовить подарок для моего сына. Когда я через несколько дней приеду в особняк, если увижу, что кто-то не приготовил подарок, я обижусь.

Странно, но с появлением малыша он, кажется, перестал думать о смерти. Словно в этом мире у него вдруг появилась привязанность. Неужели отцовская любовь — это и правда инстинкт, которому не нужно учиться?

Нужно скорее возвращаться домой. Ли Сюй со своими кулинарными талантами завоёвывает слишком много очков в глазах Фэйфэя. Скоро его авторитет в глазах сына будет выше, чем у родного отца. Так не пойдёт.

Оставив дома своего милого сынишку, он потратил целое утро на этого чокнутого маньяка-контролёра. Какая пустая трата времени.

С такими мыслями Линь Сынянь, не обращая внимания на реакцию брата, вышел из кабинета, оставив Линь Цзинли в едва заметном оцепенении.

Племянник? Сын?

У Линь Сыняня есть сын? Когда? Почему он не знает, чтобы хоть одна из подружек Линь Сыняня была беременна?

Судя по молочной смеси, которую покупал Ли Сюй, она предназначена для детей старше трёх лет, значит, ребёнку около трёх.

Если ребёнку три, плюс десять месяцев беременности, получается, четыре года назад. Четыре года назад... На одной из вечеринок Сыняня накачала наркотиками дочь одного инвестора. Говорили, что у неё ничего не вышло. Но, вспоминая тогдашнее мрачное состояние Сыняня, видимо, кто-то другой воспользовался ситуацией.

Линь Цзинли поправил очки. В стёклах блеснул холодный огонёк. Он начал просматривать файлы на компьютере, открыл папку с названием «Линь Сынянь». Истинная сущность «чокнутого маньяка-контролёра», как называл его Линь Сынянь, проявилась во всей красе.

***

Вернувшись домой, Линь Сынянь снял шарф и тёмные очки. В гостиной его встретила идиллическая картина: Ли Сюй с улыбкой на лице собирал с малышом конструктор. Лицо Линь Сыняня тут же застыло.

Услышав звук открывающейся двери, малыш поднял голову. Его большие глаза светились от радости. Он тут же бросил конструктор и, раскинув ручки, бросился к Линь Сыняню.

Но тот остановил его одним пальцем, уперев в лоб.

— Папа только с улицы, он грязный. Подожди немного, папа тебя потом обнимет, — сказал Линь Сынянь, снимая верхнюю одежду и направляясь к умывальнику.

Малыш, как хвостик, последовал за ним. Лишь когда Линь Сынянь вымыл и вытер руки и взял его на руки, он радостно обнял его за шею, всем своим видом выражая привязанность.

Эта сцена заставила Ли Сюя почувствовать укол ревности. Он нарочно сказал, чтобы привлечь внимание малыша:

— Я тут клубничный торт сделал, в холодильнике стоит...

— Где? — Этот приём сработал безотказно. Малыш, однажды попробовав сладкое, уже не мог его забыть. Но десерты ему давали в меру, контролировали. И чем меньше давали, тем больше ему хотелось.

Видя, что внимание малыша снова переключилось на него, Ли Сюй с детской непосредственностью бросил на Линь Сыняня торжествующий взгляд.

Он и сам не понимал, что с ним происходит. С первой встречи он проникся симпатией к малышу, но тогда, из-за присутствия Фэн Юэи, не показывал этого, чтобы не провоцировать её на большие требования.

Когда Линь Сынянь попросил его о помощи, он подумал, что в этом нет ничего сложного — просто готовить для малыша раз в день. Всё равно он каждый день как минимум раз заезжает к Линь Сыняню.

Но, приехав, он уже не захотел уезжать. Он чувствовал себя здесь настолько комфортно, что

уходить совершенно не хотелось.

Так что Линь Сынянь, пригласив гостя, теперь не знал, как от него избавиться. Ли Сюй уже пять или шесть дней жил у него в гостевой комнате и, похоже, уезжать не собирался.

Малыш с наслаждением ел клубничный торт. Сладкая клубника и нежный крем таяли во рту. «Какой же дядя Ли молодец, я его так люблю. Надо будет обязательно попросить его научить меня готовить».

— Папа, кушай, — Фэйфэй поднёс вилочку с тортом ко рту Линь Сыняня. Это был большой кусок, с клубничкой наверху, под которой виднелись сливки и бисквит. Было очевидно, что малыш старательно выбирал этот кусочек.

Линь Сынянь замер, глядя на Фэйфэя, который всё ещё держал ручку на весу. Он поспешно открыл рот и принял дар малыша.

Обычно дети в возрасте Фэйфэя очень ревностно относятся к своей еде, особенно к любимым лакомствам. Линь Сынянь никак не ожидал, что малыш поделится с ним таким большим куском.

Даже когда он проглотил торт, на его губах всё ещё играла улыбка.

Он ошибся, когда говорил Линь Цзинли. Кажется, после пятнадцати лет он снова почувствовал тот вкус, будто во рту у него кусочек сахара, сладость которого растекается по всему телу, до самого сердца.

«Быть отцом — это такое счастье. Знал бы я раньше, забрал бы малыша сразу после рождения».

Что до Ли Сюя, который тоже получил свой кусок торта, Линь Сынянь его просто проигнорировал. Гость есть гость, и малыш просто помогает ему проявить гостеприимство.

<http://bllate.org/book/13654/1581468>